

8+

ЕШЕННА КРЮКОВА

ГРЭЎС

Елена Крюкова

Грэйс

«Издательские решения»

Крюкова Е.

Грэйс / Е. Крюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517240-2

Прекрасная певица, мулатка Грэйс, приезжает учиться в Москву. Она встречает здесь свою любовь. Ночные московские улицы, полутьма храмов... а рядом — грандиозные спектакли Большого театра, где поет сама Грэйс... Красота человеческого голоса, бури времени, драгоценность любви — вот главное в необычной книге, опере, написанной словами.

ISBN 978-5-00-517240-2

© Крюкова Е.
© Издательские решения

Содержание

ГРЭЙС	6
Красная площадь	6
«Я хочу, как ты. Этот вечер я помню до...»	10
У Казанского вокзала	12
«Ты чужачка здесь. А я, видишь, родная тут...»	15
Общежитие Консерватории	16
Черное лицо	17
«Я говорю на звериных и ангельских языках...»	19
Праздник	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Грэйс

Елена Крюкова

Владимир Фуфачев *Дизайнер обложки*

© Елена Крюкова, 2020

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7240-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГРЭЙС

опера

Посвящается великой певице Грэйс Бамбри

Красная площадь

Дома надвинулись сплошной горящей стеной.
В толпе старуха хлеб жуёт.
Все – как перед войной.
В толпе девчонка скалит рот. Она слегка пьяна.
С пирушки пламенной идет.
Ей сизый дым – война.

Бьет в лица жесткая метель погибельных газет.
Из шифоньера на постель – прабабкин маркизет.
Какую обувь нам сносить! Каких детей рожать!
Но мертвых нам не воскресить.
Живых – не удержать.

Какие мощные дома! В них ночью не до сна.
Стоит, распатлана, любовь на берегу окна.
А в том подъезде, что на рот оружий
так похож,
Перед девчонкой достает мальчишка
финский нож.

Мир, нечестивый ты мужик. Все счета сведены.
Мне через площадь напрямик.
Под поезда войны.
Мне – в чернь вокзала, в чад метро,
где бабы так вопят,
Забыв, что сожжено добро,
прижав к себе ребят!
Мне – в заметь, круговерть и муть,
в нежданный зимний Ад,
Где шепот: «Пить!» – и: «Кто-нибудь!..» —
и лишь глаза слепят...

Я не могу.
Я не хочу!
Но я туда иду.
Давлю жестоким каблуком слепого льда слюду.
Старуха сердцем вдаль глядит.
Свистит вослед малец!

Иду туда. Скажу навзрыд, какой он есть – конец.

Вот прикурил седой старик у блуди площадной.
Вот бабы плачут, обнявшись.
Все – как перед войной.
А это кто – на мостовой, и звезды за плечом,
В буране – с голой головой,
пред красным кирпичом
Кремлевским, перечным, седым, кровавее огня, —
Стоит – и сквозь небесный дым
так смотрит на меня?!

И ближе подхожу, и зрю: ее лицо черно.
И руки черны. Январю – ее очей вино.
В пурге плывет грозой слеза. Широкие зрачки.
В ушах синее бирюза, как глаз ее белки!
Откуда ты середь моей нечесаной земли?!

Быть может, черный соловей...
тебя – фонарь – зажгли
В алмазах инистых ветвей... у башен, что в ночи
Грозят кричащей тьме людей:
молчи... молчи... молчи...

Я догадалась, кто ты. Смех! Свет – белозубый рот
В улыбке! Ты – одна из тех, кто все про нас поет.
Поет нам мир! Поет война!
О, счастье – песни петь!

А жизнь твоя перейдена не боле чем на треть.
Стоишь в метели и глядишь на старую меня,
Весь чернопламенный вокал дыханием храня.
Весь черномраморный вокзал,
где люстра-Млечный-Путь
Все валится безумьем в зал... осколки ранят грудь...
А звезды, вьюжный виноград,
из тьмы небес – отвес —
Все сыплют – на морозе – в лад —
твои спиричуэлс!

А мимохожий, вон, юнец, с ухмылкой в стиле рок,
Не сводит рыбьих глаз, елец, с твоих точеных ног...
А эта прятая толпа, что вся разобщена...
А эта пьяная судьба – без берегов, без дна...
А может, мир наш есть корабль,
его «Титаник» звать,
И тонет, и ребенок – ты, и обнимаю, мать,
Тебя, чернушечку мою... сопрано?... меццо?... о,
Да только плыть... да только жить —
и больше ничего...

Раскрой же глотку! Черный крест —
в шубейке две руки!
И пой! Чтоб слышали окрест – вор и старики! **ы**

Медсестры, чью больничку вмиг
замкнут на карантин!
Торговка, чей святейший лик —
маяк меж лунных льдин!
Владыка, что в виду Кремля, немой, идет пешком!
А снег взвивается, пыля, над бедным батожком!
Не скипетр, не держава, нет... пуста ладонь, гола...
И этот черный пистолет – родной, из-за угла...

Ты только пой, мулатка, пой! В снегу, молясь, любя,
Всей пройденной моей судьбой я слушаю – тебя!
Ах, мать, я у тебя учусь! Как не дрожать губой!
Я в голос твой навек впрягусь,
младенец старый твой!
«Титаник» наш! А черт ли в нем!
Обшивка, рвись, тони,
Сверкучий мир, мой окоем, – сосчитанные дни!
Ты только пой! В ночи – захлеб —
среди чужих людей!
Среди ветров – осушат лоб!
Средь белых площадей!
Средь Красной площади моей, навек на дне зрачка,
И колкий красный снеговой сработан на века!
Ты только пой! И я с тобой! Кричи, стони, ори,
Чтобы услышал мир живой, рабы и главари!
Мулатка! Голос разожги костром! Звенит беда!
Мы люди! Мы же не враги друг другу!
Кто ж тогда?!
Плывет «Титаник»! И рэгтайм играют! Голосишь!
Миг – и вода... и темнота... и синь, и рыба тишь...
И вечный лютый холод... о!.. ты только пой, ты пой,
И звон курантов пусть плывет над черною щекой!

И ночь пусть слушает тебя! Не сбейся! ты со мной!
Искрит кровавая стена. Все – как перед войной.
А мы тонули много раз, мулатка, знаешь, нет?!
...ты пой. Еще не пробил час. Еще не умер свет.

А за спиной твоей – зубцы. И память велика.
А за спиной моей – отцы. Им память – на века.
Военной музыки они хлебнули полным ртом.
И стали вечные огни на выгибе земном.
И стали вечные грачи во кружеве берез.
И стали вечные ручьи, потоки вешних слез.
И нам кричат: плывите вдаль!
огонь идет стеной!
Мулатка, а тебе не жаль той музыки шальной?
Стоишь на площади моей? Так спой мне бытие:
Моих людей, моих вождей,

Моих расстрелянных детей,
Веселье пьяных площадей,
Смех ярких дней, слезу ночей,
Страдание мое.

«Я хочу, как ты. Этот вечер я помню до...»

Я хочу, как ты. Этот вечер я помню до
Нотных ребер, до белых костей подлокотников
под руками.
Красным бархатом эшафот зала обит. Верхнее до
Просверлило бессмертие – и умерло за облаками.

Я хочу, как ты, горлом кровь святая. Я буду как ты!
...ты никем не станешь,
лишь себя грубо, сонную, растолкаешь
Для ночного воя. Для одноразовой красоты.
Чтобы по себе пройти, над собой глумясь —
от края смерти до края...

Я хочу, как ты!..
...много хочешь – а вот тебе шиш.
Нету голоса. Нет судьбы. Нет тебя!
Перебей зеркала камнями!
Я пою! Кричу! Воплю! А ты смеешься. Молчишь.
Черный ангел золотыми крылами, смеясь,
машет над нами.

Кожа – вакса. Губы – бананами вывернуты.
Плывут черты
Черным бакеном – по волне грозовой чужой
музыки-Миссисипи.
Я хочу, как ты! Слышишь! Я буду, как ты!
...ты поешь – я гибну в морозе, хрипе и сипе.

Эта музыка времени, она ведь только так, до поры,
Эта музыка бремени, рыдая,
скинешь его в подворотне,
Зал грохочет, дирижер глядит зверьком из норы,
Хор поет на полмира,
все шире, страстней, свободней,

Это музыка племени,
откуда растут руки-ноги твои, кресты,
Это музыка лемеха, кимберлита,
алмаза, кирки, рубила,
Я встаю, аплодируя, руки над головой,
я плачу, как ты,
Все лицо мокр, зареванная, о
я навеки тебя полюбила!

Сил нет кланяться у тебя, черномазая ведьма, голь

Перекатная ты, гастрольная,
швырни же голодным по счастью людям
Эту музыку милости, праздник павлиний,
глухую боль,
Все, что с нами, немыми, было и что еще будет.

И чего не будет, пропой!
...нам, пропойцам, бутылку початую с палубы брось
Виски, джина ли, тягучего, злого пустынного зелья,
Вбей же в руку распятую
этот черный – по шляпку! – тяжелый гвоздь,
Для последнего крика,
для Пасхального – на полмира – солнца-веселья.

У Казанского вокзала

Меховинки и мешковины.
Озверелые визги такси!
Рвется снежная пуповина.
Новорожденный плач Руси! о

Хлесткий вопль. Чуждый говор: «Мерси...»
Эй, носильщик, за грош – поднеси.

В белых песцах
девчонка,
только прыгнула с поезда.
Моржовый клык у пояса.
Подзаработала у Полярного круга.
Потеряла в тундре лучшего друга.
В Архангельске, в церкви, поверила в Бога.
Смотрит из-под песцов ясно и строго.
Глаза нерпичьи, скулы багряные...

Ее хватают чьи-то руки пьяные,
а справа от нее —
абрикос детской щеки,
перстень – огнем на девичьей руке,
огнями – радужки и зрачки,
роса слезы, мороз на виске,
а слева – вокзальная башня Сююмбике,
а сзади выныривают такие мужики!
С песней на устах —
о золотоносных местах,
о золоторунной овце,
о золотобровом лице...
Рюкзаки застегнуты на все ремни!

А старуха молится:
– Спаси и сохрани.

...Спаси и сохрани —
от метели, жадно заметающей путь,
что стесняет сердце
и давит грудь.
От метели, хищно падающей с неба
на лисьи и волчьи следы,
от легкого хлеба,
от тяжелой воды,
от всякой безумной напасти —
от мора, глада,

от войны...

Гудок дальнего слезного счастья —
поперек пустынной страны.

Старуха крестится,
лицо коряво, коричнево...
Ее седина пахнет корой, корицею...
Очкастый парень
кричит по-литовски —
красивый, бритый, лицом – Котовский!
Сто лиц!
Сто языков!
Господи, упаду ниц
среди чемоданов, мешков...
С места снялись... поплыли
Веси, предместья, города...
Во снежной пыли – народ мой, ты ли...
Куда, мой народ, куда...

Господи, сколько людей...
Приди, возьми и владей...

...

...Вокзал красивый и суровый.
Его узорчата стена.
Его нахмуренные брови:
Страна – неверная жена.

Она весь век куда-то едет,
Во тьму глаза ее глядят.
И, плача, по буфетам дети
Еду холодную едят.

И под крыло, под плат пуховый
Всех беспризорных соберет:
Всех, кто слепой и бестолковый,
Всех, кто – толпа и кто – народ,
Всех чужеземцев, иноверцев,
Кто ходит по Руси, косясь...
Вокзала темь... и запах перца...
Фонарь играет, яркий язь...
То иглы выюги... то ударит
из туч, мазнувши по лицу,
великий свет... среди гула, гари,
зимы, что поведут к венцу...

И в этой выюге, что так сладко

Жжет рот, как на морозе – сталь,
Идет красивая мулатка,
Огромна, как сама печаль.
У дерева и человека
Что под коричневой корой?..
Она стоит над белым снегом
Огромной черною горой.

О, тонкойковки профиль медный
И пламя грозное скул!
Петровский фейерверк победный
Из бешеных белков блеснул...
Но – хлад асфальта и металла!
Но – самолет над головой!
И стиснут пальцы, как шандалы,
Огонь чужой руки живой.
Прохожий без суда и слова
Шарахнется к дороге, в грязь...
О, к этому она готова.
Она ведь черной родилась.

В ночи куранты бьют старинной
И царской музыкой тоски!
Зачем так ноздри рвут зверино
Морозный воздух на куски...
Она ведь родилась собакой...
И буйволицей... и козой...
И стылой – зимнею – из мрака —
Бизоньей вымершей слезой...

Постой. Чужой народ увидишь.
Бежит. Летит. Снует. Плышет.
На снеговую сцену выйдешь.
На льдину станешь в ледоход.

И не сегодня и не завтра,
Века пройдут иль полчаса,
Заплачешь этими слезами,
Восполнишь эти голоса,
Вдохнешь все солнце золотое,
Блик на дорожном сундуке,
Весь дым дороги и постоя —
И песней выдохнешь святою,
Спиричуэл твоей простою,
Улыбкою Сююмбике...

«Ты чужачка здесь. А я, видишь, родная тут...»

Ты чужачка здесь. А я, видишь, родная тут.
Я тут, слышишь, родная всем и всему.
Хоронила родных. Рыданья, венки, салют.
И уйду я отсюда – в родную хвойную тьму.

Чужеземка ты. А я тут твердо стою.
Из родного чернозема мои ноги растут.
Ты у рампы поешь, у прожектора на краю.
Я – над сизым зеркалом реки,
ледяной берег крут.

Над зальдельным плесом.
Над тюремным санным путем.
Надо ржавым военным трактором,
по весне ушедшим под лед.
Я на сцену залиvisto крикну тебе: все путем!
Спой про то, как никто никогда не умрет!

Раскрываешь рот. Дрожи дикий, чайкой, полет.
Простираешь руки. По ветру летят рукава.
Черный лебедь мой. Радость моя.
Всяк во мрак уйдет.
А пока – ты жива. Да и я жива.

Из чужих хромосом чужедальний соткан геном.
Иноземный гром в зените плетет вензеля.
...я хочу, чтобы смерть побыла лишь сном.
Стоном в песне твоей, земля, родная моя.

Общежитие Консерватории

Чадная кухня полна дыма и запаха перца. Тяжелая ржавая крышка кастрюли чуть сдвинулась, и в шелку сочился терпкий, травный и пряный пар.

Грэйс отбросила с коричневой щеки курчавую прядь, осторожно приподняла крышку и посолила кушанье.

В кухню вплыла девица-певица в розовом халате. В пальцах у нее дымилась сигарета.

Грэйс хотела сказать ей: «Певица, зачем куришь? Голос испортишь», – да промолчала. Иногда выкуривала сама мятную, дамскую сигарету.

Чужой дым коснулся ее пухлых лиловых губ.

Из комнаты напротив доносились крики, визги саксофона, Виттова пляска ударных, жестяные хрипы певцов. Запись гремела первоклассная. Грэйс знала: в комнате напротив пили кофе, и не только кофе.

Однажды она побывала в этой компании; ей стало страшно, тоскливо и темно; и туда она больше не ходила.

А девица в розовом халате, Софка из города Мариуполя, что у Черного моря, наклонясь, прикуривала прямо от синего цветка конфорки, и ее спутанные после сна русые волосы чуть не вспыхнули.

– Сгоришь, Софка! – крикнула Грэйс и улыбнулась.

Софка изогнулась красивым зверем и подмигнула:

– От любви сгорю, чернявочка!.. Либо от огня софитов!.. меня на стажировку в Большой театр берут...

А в комнате, на столе, светлой свечой стояла недопитая бутылка сухого вина – вчера пили и били посуду на счастье на свадьбе соседки, – валялись мандариновые шкурки между огарков свадебных свечей.

Еще на столе лежала на большом блюде разломленная на куски вяленая рыба.

Грэйс осторожно, как свечу, взяла кусочек воблы, понюхала, как цветок, отколупнула ногтем круглую серебряную чешую, и стало тоскливо, печально, степно и суховейно...

– Русская вобла... Волга... – прошептала она.

Зажгла огарок. Тьма вокруг задрожала. Осветились клавиши, ноты, стулья, портрет веселого Моцарта на стене, брошенные на стул огромные рукавицы для крепких русских морозов.

– Ave, Maria, – пропела Грэйс тихо, – grazia plena...

И заплакала, уронив лоб в ладони.

Такой же огарок догорал однажды ночью, в гетто, на похоронах ее младшего брата Джима, потом – сестры Габриэль, потом – тети Фрэнсис, замученной и убитой за горсть серебра в тощем бумажнике в трех шагах от дома.

Черное лицо

Синеют белки, как тунца чешуя,
Тоскливей лампы во храме...
И черное тело – в морозе белья,
В московской золоченной раме. *о*

Россия – твой сон. Но и Африка – сон.
На сердце – лишь грубая метка.
А в зале орган – он ревет, дикий слон,
Запрятанный в нотную клетку.

Пеньё – без бинокля увиденный бой!
Плывут искаженные лица...
Сразят нежной флейтой. Изрубят трубой.
Прикажут валторне молиться.

Мулатка. Красотка. Певица. Дитя...
Окурок... и чашка... и флаги
Огнем – за окном... спать бы надо, хотя...
Старуха в метро – что шептала, крестя?..
О вечном спасенье и благе...

У пропасти зеркала – кофе испить...
И сцену Аиды – сначала...
Вокальная воля, учебная прыть —
Холодной испариной зала...

О, на ночь сережку забыла ты снять!..
И в сон твой, слезами политый,
Приходит, смеясь, твоя черная мать
И белый отец позабытый.

Вся в инее скрипка соседки твоей...
Гриф грозной гитары зовущей...
Зандевел твой золотой соловей, *и*
Алябьевский, горлом плывущий...

Лицо на подушке. Чужой потолок.
Чужая земля за стеною
Бьет снегом и ветром в щеку и висок,
Метелью слепой, неземною...

На миг ты живая! О, только на миг!
На миг – молодое ты пламя!
А музыки скорбный, торжественный лик
Сгоревшими дышит кострами...

Сон – музыка! Льется мелодия вдоль
Сплетения жил животворных...
Ты музыкой плачешь, земная юдоль!
Ты сыплешь звенящие зерна...

Мы – нынче. А завтра?! Ползет этот страх
Цепочкой золотой – на ключицы...
Пусть кудри твои обратятся во прах.
О, только бы петь научиться.

«Я говорю на звериных и ангельских языках...»

Я говорю на звериных и ангельских языках
Я при этом еще и любовь имею
Держу за пазухой пересилив потери страх
Под снегом дрожа
от дождя державно немея

А ты говоришь на густом языке велик его лес
Страшна чащоба его корни буквиц корявы
Доски-подмости не выдержат призрачный вес
Понарошку любви и гибели
улетающей славы

Я тоже клавиши нежно глажу
на ходу в битком набитой музыке сплю
Я могу подыграть тебе на огнистом органе
на жестком рояле
Я музыкою клянусь стою у нее на страже
ею сражаюсь врага колю
Ее обнимаю люблю в конце и в начале

Что
в начале – Слово
дудки
скрипки
улыбки
ах музыка знаешь одна
Спотыкается плачет бормочет бесслышные клятвы
И далекая ария Баха в безлюдной церкви слышна
На краю времен в виду гекатомбы кровавой жатвы

Праздник

Юбки – ах, колокола!
Ноги темные – в пыли!
Как же это я вплыла
В карнавал всея Земли!
Синий крутанет атлас
Вокруг бедер! вокруг колен!
Хоровод на миг, на час!
Мир попал пожару в плен!
Ты, всесветный карнавал,
Золотым монистом лег
И в уста поцеловал
Всех, кто нищ и одинок!

Эта пыльная Москва —
Лето, древняя жара.
Эта церковь все жива,
Хоть и взорвана вчера.
У киоска виноград
Итальянка жадно ест!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.